

Шостакович Дмитрий
Дмитриевич

22 09 66

МОСКОВСКИЙ КОМПОЗИТЕЦ
Г. МОСКВА

22 СЕН 1966

К 60-летию со дня рождения
Дмитрия ШОСТАКОВИЧА

СИМФОНΙΑ МУЖЕСТВА

После долгого перерыва в Ленинградской филармонии исполнялась Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

Случилось так, что я сидела недалеко от автора и хорошо видела, как он прикладывал к виску выразительную нервную руку, как напряженно вслушивался. Он волновался. Особая атмосфера царила в этот вечер в зале. Ленинградцы знали, что в оркестре было несколько музыкантов из числа тех, кто двадцать с лишним лет назад участвовал в первом исполнении этого произведения в осажденном Ленинграде, а за пультом стоял тот же самый дирижер — Карл Элиасберг.

Мы встретились с дирижером и со старыми музыкантами после концерта, и из далекого прошлого выплыли волнующие подробности того, как создавалась и исполнялась симфония.

— Вам никогда не приходилось видеть огромные люстры филармонии без хрустальных подвесок? — сказал Карл Ильич. — Это страшное зрелище. Одни только бронзовые остовы, голые и

скорбные, как скелеты... Вот такими они были в тот вечер.

...В один из сентябрьских дней 1941 трудного года по ленинградскому радио выступал композитор Шостакович. «Час тому назад, — сказал он, — я закончил партитуру второй части моего нового большого симфонического сочинения...». Это была Седьмая симфония. (Поэтесса Ольга Берггольц вспоминала потом, что по пути в радиокomitee композитора застала воздушная тревога. Когда он выступал, бушевали зенитки, грохотали бомбовые разрывы. Казалось, что здание радиодома качается...).

— Для чего я говорю об этом? — продолжал композитор. — Для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту.

Карл Элиасберг вспомнил, как весной 1942 года в стационаре для больных и ослабленных, размещенном в верхних этажах ленинградской гостиницы «Астория», появился знакомый скрипач и, подняв над головой тусклый

фонарь «летучая мышь», попытался осветить почти темную комнату. Увидев Карла Ильича, скрипач пригласил его в управление культуры.

— Если сумею подняться — постараюсь быть, — ответил дирижер.

С трудом шел он по весенним ленинградским улицам, едва поднялся по лестнице. В управлении культуры говорили о том, что необходимо возродить симфонический оркестр, что ленинградцы должны услышать посвященную их городу Седьмую симфонию Шостаковича. Было объявлено о регистрации всех музыкантов и о сборе их в радиодоме.

Музыкант Д. Шен вспоминал, как составлялись списки. Многие фамилии были обведены черными рамками — знак того, что человек погиб в городе или на фронте, другие фамилии заключались в красные рамки — «жив, но едва может передвигаться...».

И все-таки оркестр собрался. «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою

Седьмую симфонию», — писал Дмитрий Шостакович.

Партитура была написана так, что для ее исполнения необходимо 8 валторн, 6 труб, 6 тромбонов, то есть по существу двойной состав оркестра. Что делать? Где найти еще музыкантов? Решили прикомандировать к ленинградскому оркестру музыкантов из армии и флота. Вскоре в город прибыли десятки новых людей из фронтовых оркестров, и началась трудная работа. Музыканты сами переписывали свои партии. Репетиции проводились, невзирая на обстрелы и бомбежки. При крошечной копилке дирижер Элиасберг за письменным столом часами работал над партитурой.

Летом оркестр продолжал репетиции в Большом зале филармонии, где предполагалась премьера. Несмотря на теплую погоду, здесь было холодно — огромное, неотопливаемое помещение промерзло за зиму. Но оркестранты работали с необычайным энтузиазмом.

Элиасберг вспоминает: — Наметил провести семь-восемь

больших репетиций, но уже после первой понял, что цель близка...

И вот наступил день, которому суждено надолго остаться в памяти людей, — 9 июля 1942 года. Белоколонный зал Филармонии стали заполнять люди в военных гимнастерках, в матросских форменках, в рабочих комбинезонах. Зажгли полный свет!

Все было необычно в этот знаменательный вечер. Дирижер походил на тень в своем черном фраке, он был худ и бледен. Вышел огромный оркестр, и странно было видеть на сцене людей в военной форме: в блокированном городе невозможно было найти нужное количество фраков.

Полились звуки, рассказывающие о смерти и жизни, о горе и светлой вере, о великом мужестве и надежде. В зале многие плакали. Плакали от радости: в истрадавшемся городе люди остаются людьми. Они пишут музыку, исполняют ее, слушают. Такой город победить невозможно!

Э. ЮЛИНА.
(АПН).